

ГЛАВОЛАЗ

Песни
Петера Сълядека

Генри Лайон Олди
Песни Петера Сълядека

Идет по путям-дорогам лютнист Петер Сьядек, раз за разом обреченный внимать случайным исповедям. Кружатся в безумном хороводе монах и судья; джинн назначает себя совестью ушлого купца, сын учителя фехтования путает слово и шпагу, железная рука рыцаря ползет ночью в замковую часовню, несет ужас солдатам-наемникам неуловимый Аника-воин, и наконец игрок в сером предлагает Петеру сыграть в последнюю игру.

Мы встретимся с Кассандрой и Хомой Брутом, Пестрым Флейтистом и семейством Борджиа. Влад Цепеш будет преподавать в университете, а Микеланджело отречется от низкого ремесла ваятеля в пользу высокого искусства поэта-сатирика. Мы побываем в праздничной Венеции и зловещей Черной Валахии, услышим жутковатые рассказы о неведомом граде Гульденберге, о проклятом острове Монте-Кристо, пройдем по Центральной и Восточной Европе, где в каждом медвежьем углу — свой миф, свои чудеса, свои «скелеты в шкафу».

Оглавление

[Здесь и сейчас](#)

[Баллада двойников](#)

[Джинн по имени Совесть](#)

[Бледность не порок, маэстро!](#)

[Цена денег](#)

[У слепцов хороший слух](#)

[Опустите мне веки, или День всех отверженных](#)

[Жестокий выбор Аники-воина](#)

[Остров, который всегда с тобой](#)

[Рука и зеркало](#)

[Аз воздам](#)

[Петер и смерть](#)

Дорогу лучше рассматривать с высоты птичьего полета. Это очень красиво: дорога с высоты. Ни пыли, ни ухабов — шел коробейник, обронил ленту. Бери, в девичьи косы заплетай! Обочина течет июльским медом, февральской сметаной, овсяным киселем ноября, пестрой волной мая. Мозоли, усталость, еж в груди остались внизу, на дороге — птице над дорогой этого не понять. Ей, стрижу-ястребу, тощей пигалице или клювастому горлоеду, дорога кажется самой чудесной штукой на земле. То ли дело будничное небо: крылья дрожат, враги не дремлют, стрела стережет, в облаке холодно, над облаком голодно. Вот и косятся птицы с завистью на лопухов-подорожников: ишь, ходят...

Людей лучше рассматривать издали. Например, из окна; еще лучше, если окно расположено на самом верху башни. Это очень увлекательно: люди на расстоянии. Рыцарь не пахнет перегаром и чесноком, принцесса не кажется стервой, беременной от конюха, а первые встречные никак не норовят сунуть кулаком в зубы вместо того, чтобы поделиться вином на привале. Маленькие люди таскают за плечами маленькие истории — лживые, противоречивые и сиюминутные, собранные в кудель пряжи, нить за нитью плетут они гобелен одной, большой и чудесной Истории. Сиди в башне, смотри из окна, любуйся. Жаль, в башне сквозняки, крыша течет, мыши шуршат в углах, а ночью страхи присаживаются на край одинокой постели. Тут уж рыцарев перегар за доблесть сойдет, а стерва-принцесса или какая другая девка из Малых Брубулянцев за счастье сойдет, лишь бы теплая и в веснушках. С утраца добредешь до окошка, глянешь на этих, которые внизу, и аж задохнешься от холодка под ложечкой: ишь, ходят..

Жизнь лучше рассматривать со стороны. Из горних, значит, высей. Тогда она выглядит законченным и

гармоничным артефактом, творением крылатого гения, а не сплошным недоразумением простака. Глядя изнутри, ничего в жизни толком не разглядишь. Суета, томление духа, крошки в мятой простыне; одни камни собирают, другие разбрасывают, третьи этим камнем ближнего искренне любят, по темечку. А главное, замысла глазом не окинуть. Не познать в целостности. Выхватил горбушку? — жуй, давись, на каравай рта не разевай. Не про твою честь караваи пекутся.

Отчего же не удаётся, не складывается: дорогу — с высоты, людей — из окна, жизнь — со стороны? Если лучше? чище? прелестнее?! Идешь, пылишь, кашляешь, сам себе удивляешься. Дурацкие мысли в башке катаешь. Стучат мысли, гремят, подпрыгивают тележными колесами на ухабах. Вглядываешься из-под ладони: далеко ли еще? Далеко.

Ну и славно, что далеко.

Оно, которое далеко, отсюда лучше смотрится.

Здесь и сейчас

Выбор всегда остается за нами. Всегда — за нами. Мы идем вперед, мы торопимся, но хватит ли нам отваги прервать движение, остановиться, преодолевая страх, и повернуться спиной к опасности или счастью, которые всегда впереди, и лицом — к выбору, который всегда, вечно, неумолимо и невидимо остается за нами?!

Последняя запись в дневнике Бьярна Задумчивого, мага из Хольне

У обнаженного меча
Из всех времен одно —
Сейчас.

Ниру Бобовой

— Чем?! — Лицо корчмаря налилось краснотой.

— Песнями, — повторил Петер Сьядек, дурея от собственной наглости. — Я расплачусь песнями.

Корчмарь прошелся между столами. Тучный, дородный, он двигался вперевалочку, напоминая груженую фуру на Кичорском шляхе. Ручищи — окорока. Хватит такой по уху...

— Миска тушеной капусты, — задумчиво протянул Ясь Мисюр, оглядывая свою корчму, словно впервые ее увидел. — Две миски. С верхом. Пять черных колбасок, жаренных в меду. Свиная печенка с тмином. Три кружки пива. Красного, чет-нечет...

— Четыре. Четыре кружки.

Петер Сьядек всегда считал себя честным человеком.

— Ага, четыре. И ночлег. Выходит, чет-нечет — песнями?!

Сквозь узкие оконца пробивалось утро. Котенок играл на полу с розовыми перьями солнца: охотился,

урчал. Потом, разом забыв про игру, взялся умываться, мелькая шершавым языком. Петер позавидовал котенку. Кормят за мурлыканье...

— Вечером народ соберется, — плохо веря собственным словам, сказал он. — Я петь стану. Мне грошей дадут. Много. Я и расплачусь.

— Что ж вчера не насобирал?

— Вчера народу не было.

— А сегодня будет?

— Сегодня будет.

Нестерпимо захотелось встать. Но он понимал: тощий как жердь бродяга будет смешон рядом с раздобревшим на ветчине Мисюром. Столб у амбара. Карась рядом с матерым сомищем. Еще решит: сбежать хочу...

— Если бить надумаешь, — в голосе Петера Сьядека звучала скучная, привычная обреченность, — значит, бей. Оно полегчает. Только по уху не надо. Мне оглохнуть — хуже смерти. И музыку зря не трогай.

Он слегка толкнул ногой «музыку» — старую, изношенную лютню, завернутую в пеструю тряпицу, — дальше, под стол.

— Мне твои песни... — буркнул корчмарь. — Мне твои гроши...

— Суббота нынче. Народ соберется...

— Мне твои уши...

У Петера вдруг защемило в брюхе. Вчера был вечер пятницы. И — пустая корчма. Если не считать рубежного охранца, судя по шнурам, сотника, приехавшего из Раховца с дамой. Скорее всего, женой. Им выделили лучшую комнату наверху. Сейчас знатная пара сидела у окна, завтракая лепешками с медом и сметаной. Дама прислушивалась к беседе, если так можно было назвать справедливые требования Яся Мисюра и встречные предложения Петера. Дама

улыбалась: добродушно, с расположением. Небось, когда бить станут, велит, чтоб прекратили.

Или не велит.

Дамы — они на зрелища падкие.

Скорее уж приходилось рассчитывать на милосердие другого гостя — высокого мужчины, закутанного в плащ. Посох с набалдашником, скучая возле стеночки, выдавал в своем владельце мага. Маги не любят насилия. Так говорят... Петер не смог припомнить, кто так говорит и почему. Наверное, просто очень захотелось, чтобы маги не любили насилия. Чтобы вмешивались, защищали, спасали. Он знал за собой плохую черту: придумать что-нибудь и сразу поверить в это, как в святую истину.

Корчмарь подошел ближе. Петер зажмурился, ожидая. Лишь бы не по уху. Левое ухо у него всю зиму плохо слышало, после истории в Легнице.

Не удержался, встал. Стоя легче терпеть.

— Мне твои гроши... — повторил Ясь Мисюр. — Дурень ты. С трубой. Трубадур, чет-нечет... Садись.

Не открывая глаз, Петер сел обратно на скамью.

— Дочка говорит: бросай корчму. Мол, чет-нечет, распродашься, переедешь к нам в Раховец. Внуков нянчить. По вечерам вдоль набережной гулять станешь. С тросточкой, навроде честного мещанина. Не ты — тебе наливать станут. И то верно: кубышка есть, сбереженья, зять в чинах, поможет... До конца дней хватит. А я без корчмы... Ну скажи мне, гусь ты перелетный, кто я — без корчмы-то?

Котенок потерял ногу Петера, и бродяга едва не подскочил. Думал: уже бьют. Хуже нет, чем по ногам башмаками... С деревянной-то подошвой! После дорога адом кажется.

— Сиди, дурила. Песнями он... Что за песни?

— Есть веселые. Похабные, если надо. Для паромщиков. — Под ресницами царила приятная

темень. Там роились несбыточные надежды, обещая сбыться. — Сплавщики похабство уважают. Плясовые: овензек, козерыйка... Есть благородные: про рыцарей, про обеты. Могу балладу о битве при Особлоге. Сам сочинил...

Очень хотелось произвести впечатление. Все-таки сегодня шестая годовщина битвы.

— Сам он сочинил. — Корчмарь хохотнул, и эхом донесся густой смешок со стороны. Наверное, сотник. — Чинил, чинил и сочинил. Сороки ему натрещали, чет-нечет...

Петер обиделся. Открыл левый глаз:

— Это кому другому сороки. А я все видел. Я в ополчении стоял, на круче. У меня копье было — большое. С зазубринами. Нам всем копья раздали.

— Не надо, — вдруг сказал сотник. — Ясь, не надо про Особлогу. Отстань от парня. Я за него заплачу.

— Заплатит он. — Бас корчмаря треснул странной, нагловатой усмешкой. — Заплатит он мне, чет-нечет... На всю жизнь осчастливит. Буду по Раховской набережной с тросточкой: чап-чап, чап-чап...

Петер Сьядек тихонько удивился отваге Яся Мисюра. Простой корчмарь, и не боится вот так, с рубежным охранцем... Похоже, бить раздумали. Спросить каши? Глядишь, расщедрится... гречневой, с салом...

Впрочем, вместо каши Петер вдруг решил обидеться насовсем.

— Это хорошая баллада. Очень хорошая. Я старался. Когда пою, все просят повторить. И в ладоши хлопают. Вот про Сутулого Рыцаря, как он над Зигмундом Майнцским рубился...

Притоптывая и старательно отбивая ритм по краю стола, Петер громко затянул:

Встав спиною к стволу, он топтал
вражью тень,
Умирая, как день, воскрешая, как ночь
его,
И тончайший слой кожи горел на
хребте,
Разрываясь меж деревом и
позвоночником!..

Хохот сотника был ему ответом. Звонко вторила дама, всплеснув руками, затянутыми в дорожные перчатки. Колоколом гудел корчмарь Ясь. Даже дылда-маг соизволил улыбнуться уголком рта. Котенок в испуге отпрыгнул к лестнице, шипя, выгнув спину.

— Эй, Мисюриха! Каши певуну! С гусиной вышкваркой! Ну, потешил, чет-нечет...

— Ты правда был при Особлоге? — неожиданно спросил сотник, вставая. В птичьих пронзительных глазах его стоял вопрос, куда более серьезный, чем могло показаться на первый взгляд. Петер только не мог сообразить, почему сотник придает этому такое значение. — Ты не бойся, отвечай по совести. Если соврал, я наказывать не стану. Был?!

— Был...

— С копьём на круче?

— С копьём.

— Чей штандарт от вас по левую руку вился?

— Княжий. Рацимира Опольского.

— Гляди, не врешь... И о чем думал?

— Кто? Князь?!

— Ты.

— Когда?

— Тогда. На круче.

Петер ощутил неодолимую потребность ответить правду. С ним такое случалось нечасто и почти всегда завершалось побоями.

— Жалел. Что я на круче, а они — на том берегу. Сутулый Рыцарь, и Ендрих Сухая Гроза, и все. Будь я на их месте... Мне видно плохо было. Но я смотрел... Я честно был там. Нас потом через брод погнажи.

— Убивал?

— Да, — мрачно набычился Петер Сьядек. — У меня копье... Я его в живот, с разбегу, а он хыкнул и умер. Дальше не помню.

— Ты расскажи мальчику, Ясь, — кивнул сотник, в упор глядя на корчмаря. — Я ж вижу, у тебя язык во рту пляшет. Хочешь — расскажи. А мы наверху обождем. Как Сегалт приедет, пусть нам доложат.

Ступени скрипнули под шагами.

Корчмарь долго смотрел в стол. Потом поднял глаза на высокого мага. Тот еле заметно кивнул. Петер занервничал: он не понимал, что происходит, а непонятное всегда грозило перерасти в неприятное. Схватить лютню и бежать?

Если бы не обещанная каша, появившаяся перед ним, Петер бы удрал.

Но каша... с гусиной вышкваркой!..

— Ешь, дурила. Ишь ты — тень, чет-нечет, вражью топтал... Сам видел: корчма пустая. И сегодня пустая будет, и завтра. Народ знает, когда кум Мисюр никого видеть не хочет. А ты приперся поперек. Я глянул: тощий, ребра наружу, одни глазищи горят. Дай, думаю, подкормлю. На небесах зачтется. На этого цыпленка ты был похож, — корчмарь кивнул в сторону мага, и Петер еще раз подивился чудной отваге Яся. А в придачу — удивительному сравнению.

Вот уж где ничего общего!

— Только разбередил ты меня, парень. Растравил душу. Ладно, слушай. Если каши не хватит, я велю еще принести...

* * *

Дым над окраиной Пшесеки был хорошо виден. Корчма стояла на холме, выше перекрестка Кичорского шляха с дорогой на Вроцлав — место бойкое, и деревня, где Ясь Мисюр закупал провизию, просматривалась отчетливо. Вон пламенем стрельнуло. Жгут Пшесеку, сучьи дети. Спасибо Божьей Матери, без души жгут, лениво. Не случись стычки у Жабьей Струги, и вовсе б махнули рукой. А так... Корчмарь вглядывался из-под козырька ладони, ломая голову в догадках: кто рискнул схлестнуться с вояками Майнцкого маркграфа? Кто-то из разбитых на границе рубежников-ополян?! Вряд ли. Рубежники пятки салом смазали, до самой Особлоги драпать станут. Зато теперь злые, как дьявол на Рождество, майнцы отыграются на сельчанах. Хорошо, если без резни обойдется — насильничают десяток молодежи, мужьям рыло начистят, подвалы разворуют...

— Что там, Ясь?!

— Праздник. Как есть праздник, Мисюриха. Скоро запляшем козерыйку.

Жена стала плакать, утираясь передником. Ничего, пускай. Лучше сейчас, чем потом. Не позднее полудня и до корчмы доберутся, аспиды. Надо будет принять, ублажить, залить зенки пивом. Авось не сожгут. Только сперва Люкерду в ухоронку отведу — спортят девку, бесово семя, а кому она, битая-порченная, занадобится? Да еще, не приведи Господь, с байстрюком в подоле...

Честь приданым не отмоешь.

— Ясь, скачут!

Корчмарь, моргая, всмотрелся. Таки скачут. Кони заморенные, едва тащатся. Пять всадников на три коня. Кого черт послал? На майнцев не похоже, у них и лошади сытые, и седоки...

— Ясь, то Ендрих!

Совсем плохие глаза стали. Лишь теперь Ясь Мисюр узнал в человеке, боком сидевшем на гнедой кобыле,

Ендриха по прозвищу Сухая Гроза. Атамана известной на все Ополе шайки. Так вот кто майнцев потрянул! Небось обоз перехватить мыслил, да нарвался. Известный гордой посадкой красавец Ендрих сейчас напоминал мокрую курицу: не поддерживай его второй всадник, свалился б с лошади. Усами в пыль. И морда в кровянице изгваздана.

Вон, спешиваются.

— Мисюр, выручай!

Обвиснув на руках спутников, Ендрих ковылял к корчме. Был он широкоплеч, крепок телом, и друзья-побратимы только кричали, надрываясь от тяжести главаря. Всякий раз, когда Сухая Гроза ступал на правую ногу, он рычал и бранился не по-людски. Сломал, что ли? Или стрелой достали?!

— Мисюр! В схрон мне бы! Не уйдем...

В схрон ему! Корчмарь представил себе тайник, где прячутся Люкерда, кровиночка ненаглядная, и этот разбойник. С глазу, чет-нечет, на глаз. Потом в наследство атаманыша принесет... Толку-то, что сам Ясь не раз и не два укрывал доставленную Ендрихом контрабанду, что имел долю в добыче, помогая сбывать навар в Раховце или Вроцлаве?! Люкерда-дурочка от Сухой Грозы без ума: вздыхает, зовет Робин Гудом. Будет ей Робин, будет и Гуд в укромном местечке...

— Коней мало, Мисюр! Догонят! Спрячь, за мной не заржавеет!

Хорошо хоть, не грозит. Дескать, иначе корчму спалим. Ясь вновь глянул в сторону дымившей Пшесеки, потом перевел взгляд на атамана. Молод, хорош собой. Усы рожнами закручены. При деньгах. Кличку получил за бешеный норов да нелюбовь к лишней крови. Первое — плохо, второе — хорошо. А все едино: не такого муженька дочери нужно.

Ладно, долг платежом красен.

— Спрячу, Ендрих! Эй, тащите атамана в подвал!

Повернулся к жене:

— Беги за Люкердой. Пусть тоже в ухоронку лезет...

Жена выразительно покрутила пальцем у виска. Ну да, бабы срамное дело быстро разумеют.

— Беги, беги. Пускай Люкерда с собой этого возьмет... Приживала. Он старый, до девок не охоч. Приглядит. Скажи ему: ты, Джакомо, единственная надежда. Охрани, сбереги. Ежли, чет-нечет, нас за глотку...

Что правда, то правда — Джакомо Сегалту не до девок. Истаскался крючок. Хотя в молодости, по всему видно, погулял. Когда Люкерда взбеленилась да затребовала себе учителей, чтоб по-благородному — танцы-манцы-реверансы! — Ясь благодарил Бога, что подвернулся этот дряхлый гуляка. И в танцах, и в языках, и этикету обучен. Седьмой десяток разменял, а только в прошлом году сутулиться начал. Осанка вельможная. Люди говорили, раньше знаменитым кавалером был: на турнирах блистал, с маврами под стягом самого Фернандо Кастильца бился. С османами на море воевал. Врут, должно быть. Людям сбрехать, что сучке хвост задрать. А вот что разорился кавалер подчистую — в это верилось. Скитался, мыкался, последние годы сидел библиотекарем у Иеремии Ловича. Очень Иеремиа благоволил к нему. Велел слугам насмешек не строить, гостям на потеху не давал. Сам частенько сиживал рядом, беседы вел. А как помер магнат, Джакомо с младшим Ловичем разругался вдрызг.

И ушел.

Сейчас за кусок хлеба, за крышу над головой девку пустякам учит.

— И меня! Меня спрячьте!

Дьявол бы его побрал, этого мальчишку! Совсем забыл... Корчмарь грузно, всем телом повернулся к вчерашнему заброду. Явился, дьяволенок, напросился

переночевать. Серебряный секанец дал: за ужин с ночлегом. Где и взял? — украл, должно быть. Не поймешь: то ли шестнадцать юнцу стукнуло, то ли все двадцать. Воробей воробьем: тощий, встрепанный, одни глазищи — угольями.

— Кыш отсюда! Скатертью, чет-нечет, дорожка!

— И меня! Меня! Не спрячете, я майнцам все расскажу! Все!

Атаман Ендрих вопросительно скосился сперва на корчмаря, потом на своих головорезов. Дескать, заткнуть глотку? Красное от боли лицо Сухой Грозы дернулось: нет, пустой крови не любил. Впрочем, мальчишка даже не понял, что стоял на волосок от смерти. Опустил голову, украдкой смахнул стыдную слезу.

— Простите... Я сдуру. Нельзя мне к ним, в руки-то...

Вдруг просиял:

— У меня! Вот! Есть!!!

Грязная рука нырнула за пазуху. Миг, и на ладони сверкнул луч света — медальон. Золотой. Тут корчмарь не мог ошибиться, хоть на глазок, хоть на зубок.

— Я заплачу! Он волшебный!

— Золотишко? — на всякий случай уточнил Ясь Мисюр.

Мальчишка потупился:

— Н-не знаю... Наверное. Он взаправду волшебный. Это Бьярна Задумчивого, мага из Хольне.

Ендрих присвистнул, жмурясь. Если хлопец не брешет... Имя Бьярна, мага из Хольне, значило много. Спрячет гулящего Ясь, за такое добро в нужник спрячет и сам сверху сядет, чтоб не сыскали.

— От чего амулет? На удачу? На любовь?!

— Не-а... От тараканов. Положить за ставенку, век в доме тараканов не будет...

Корчмарь цыкнул на развеселившихся разбойников. Дорогая штука. Пускай хлопец пустобрех. Наболтал с

три короба: тараканы, Бьярн... Воришка. Ладно, лишний глаз в ухоронке не повредит. Здесь другое, чет-нечет: двое парней, старый приживал-воспитатель и одна Люкерда?

— Эй, Сквожина!

На пороге объявилась служанка — плотная, коренастая, больше похожая на мужика. Близко посаженные глазки смотрели диковато и неприветливо. К подолу женщины жалась девочка лет пяти.

— Готовься. В ухоронку полезешь. Знаю я тебя: сунут лапу под юбку, а ты в ухо! Или брякнешь лишнего...

Сквожина цыкнула слюной сквозь зубы, но промолчала.

Пыльная темнота. Дразнящие запахи копченостей, пива, лука, вяленой рыбы. Из щели едва ощутимо ползет струйка винного аромата. Слышно, как снаружи Ясь Мисюр, сопя, заваливает потайную дверцу всяким барахлом. В эдаком хламе, даже сунься майнцы в погреб, рыться побрезгуют.

— Было бы крайне полезно зажечь свечу, — скрипит недовольный голос Джакомо Сегалта. Потом старик долго кашляет, прежде чем продолжить: — Я опоздал рассмотреть внутренность этого... м-м-м... помещения и теперь опасаясь сесть на что-либо неподобающее.

— Задницей на вилы, — ядовито уточняет Сквожина, чихнув.

— Или вы предпочитаете стоять, ожидая, пока майнцы не двинутся дальше, на Вроцлав? — невозмутимо заканчивает пожилой воспитатель, игнорируя ехидство служанки. Видно: старик давно сжился с дурным нравом женщины, пропуская ее брюзжанье мимо ушей.

— Уж лучше постоять. Вдруг свет заметят?

Вопрос принадлежит юноше-забрوده.

— Шиш они заметят. Мне в этой дыре не впервой отсиживаться. Лучше нам друг за дружкой приглядывать. Не ровен час... У меня и кресало есть, и трут. Свечу прихватили?

— Извольте, Ендрих. Только я ничего не вижу.

— Держи в руке. Сейчас увидишь.

— Ага. Пушай в руке держит. И рукой туды-сюды елозит. Авось свечка до небес вырастет! Без огня полыхнет...

— Заткнись, дурища!

— Полностью с вами согласен, Ендрих. При молоденькой девице... такие гадости...

— Мамка, хацу свецку! Тутоцки затемнотело! Пусть дядя Закомцик сделает огонек...

— Сделает дядя, сделает... хрена он сделает, твой дядя, и редькой доделает...

Щелкают удары кресала. Искры. Еще искры. Тянет дымком. В ладонях Сухой Грозы начинает медленно разгораться огонь — сперва темно-багровый, тусклый, дальше все более яркий. Верней, это позже становится видно, что в ладонях. Поначалу кажется, будто зловещий красный глаз возник во тьме.

— Теперь видишь? Давай сюда свечу.

Сутулая фигура заслоняет рдеющий «глаз». Треск фитиля, по стенам мечутся блики.

Свет! Живой, охристый.

— Благодарю вас. Люкерда, прошу садиться. Лучше вот сюда, на бочонок. Сейчас, я только пыль смахну. Табуретов здесь, как сами понимаете, не водится. Не говоря уже о стульях и креслах.

— Ковров не прикажете? — кривится Ендрих. Неизвестно, что ему больше докучает: боль в ноге или чопорность старика. — Вон в углу стоит, свернутый. Добрый ковер, из Шемахани. Давайте, давайте, я как раз на него лягу. Не на полу же валяться...

— Откуда у папы шемаханский ковер? И... вообще все это?!

Люкерда с удивлением осматривалась по сторонам. Тугие бревна ковров, тюки с тканями, аккуратные кованые сундучки и резные ларцы, бочонки, пузатые мешки. Местами из завалов и нагромождений торчат рукояти мечей, древко бердыша, полированная ложа самострела, гребень шлема...

Устраиваясь поудобнее, атаман оскалился с напускной веселостью:

— Откуда? От чуда-юда! С молодецкого промысла — из дальних стран доставлено, у дурных людей отобрано...

— Молодой человек, вы бы уж потрудились называть вещи своими именами. стыдно вводить наивную девицу в заблуждение. контрабанда и разбой, вот как это называется.

— замолчите, Джакомо! Как вам не стыдно! Ендрих, он... он настоящий герой! Он сегодня напал на передовой отряд маркграфа Зигфрида! словно Неистовый Роланд на мавров!

— Да, конечно. — Джакомо кисло усмехается краешком губ, садясь на ближайший сундук. — Ронсевальское ущелье, верный Дюрандаль... Трубадуры в очередь строятся: воспевать. Ну и как, господин герой, гроза захватчиков? Враг разбит наголову и позорно бежал? Или, может быть, вы с вашими достойнейшими рыцарями удачи просто решили разграбить чужой обоз? Только охрана оказалась Роландам не по зубам? И теперь солдаты маркграфа вымещают зло на мирных поселянах — герои-то ушли! Герои в схронах сидят, копят силы для новых подвигов!

Ендрих Сухая Гроза угрюмо молчал. Старый приживал попал в точку. Все именно так и случилось. Они спокойно перешли границу, которой после захвата вольного города Хольне больше не существовало. Обоз

обнаружили ближе к вечеру. Телеги с провиантом и фуражом отстали от основного войска, уже выдвинувшегося к рубежу Опольского княжества, и казались легкой добычей. Однако без шума не обошлось. Дюжие обозники отмахивались алебардами, стервенея от безнадёги: звон, лязг, крики... Двоих из ватаги изрядно поранили, а лихой Збышек вовсе сложил на поле буйную голову — даже тело забрать не успели. Когда все было кончено и осталось только увести телеги с добром, из-за леска вылетел отряд конницы. Всадников маркграфа было впятеро больше, чем ватажников, и о барыше думать уже не приходилось — самим бы ноги унести!

Уходили всю ночь. Их нагнали на рассвете, возле Пшесеки. Хорошо еще, что преследователи за ночь сильно растянулись. Ударили бы кулаком, в полную силу, — гнить разбойничкам на жарком солнышке. После первой сшибки, оставив треть ватаги на поживу воронью, уцелевшие рванули врассыпную: по оврагам, в пойму Веселки, к Кичорскому шляху. Двоим судьба обломилась — догнали, порубили. Под самим Ендрихом стрелой убили лошадь. Спрыгнуть не успел, телом упавшей кобылы придавило ногу. Спасибо, дружки подоспели, выручили. И вот теперь ему, Ендриху Сухой Грозе, отсиживаться в погребе вместе с бабами? С желчным дедом-нахлебником?! С сопливым юнцом, который от страха в штаны небось наложил?! Всех продать грозился, щенок... А кому он нужен, спрашивается? Или все-таки нужен? Ладно, сидеть долго, вытрусим правду.

Успеется.

— Что, герой с кривой ногой? Язык проглотил? Как грабить да чужих жен по стогам валять — так орел! А как ответ держать — язык в гузно запихал? Верно Жаком говорит...

— Сквожина! Дождешься!..

Ендрих смерил взглядом наглую бабу. Этой стерве наплевать, кто перед ней: пьянчуга подзаборный, городской купец, честный атаман, а хоть бы и сам князь Рацимир! Не глянулся — окатит помоями и глазом не моргнет. Связываться с дурой? Себе дороже. Но и отмалчиваться было нельзя.

— Уж тебя я точно по стогам не валял. Оттого, видать, и злишься. Кто на эдакую пакость позарится? Разве что наш кавалер-удалец. А, Джакомо? От тебя Сквожине дочку надуло?

— Я бы попросил вас, господин разбойник, воздержаться от подобных высказываний. По крайней мере в присутствии юной девицы. Вы слышите меня?

Орлиный профиль Джакомо Сегалта излучал холод, обычно предшествующий вызову на поединок. Люкерда с испугом отодвинулась от своего воспитателя, впервые видя его таким. Показалось, что огонь свечи, отразившись в черных глубоко запавших глазах старика, вдруг стал острым, страшным.

Не огонь — клинок, змеей ползущий из ножен.

— Разумеется, грабители с большой дороги лишены понятия о хороших манерах, но я надеялся... И, как вижу, зря. Тебя, Сквожина, это тоже касается! Узнает Ясь — палкой отходит. Дабы язык не распускала.

Лицо приживала слегка смягчилось, холодок растаял.

— И вообще, давайте перестанем ссориться. Если кого невольно обидел, приношу свои извинения. Это от волнения.

— Ладно, старик. Все мы хороши. Перемыли друг дружке косточки, и хватит.

Устроившийся прямо на полу юноша кивнул, смешно дернув щекой. Будто пощечины ждал. Хотя ему-то чего бояться. Никого не задевал, сидел тише мыши. Пятилетняя Каролинка, дочь бойкой на язык Сквожины, вообще не обращала внимания на перепалку: девочка

добралась до ларца, где хранились цветные бусы, блестящие пуговицы и прочие безделушки. Теперь дитя заворуженно перебирало сокровища, забыв обо всем на свете. Сама Сквожина угрюмо молчала. Извиняться она не умела, но хотя бы то, что перестала сквернословить и изрекать непристойности, было уже добрым знаком. Большого не требовалось.

Отец Сквожины отдал Богу душу, едва дочери сравнялось шестнадцать. Как сейчас Люкерде. Родной братец, жмот и прощелыга Станек, быстро выжил туповатую и некрасивую девку из дому, не дав ничего из отцова наследства. «Замуж все одно не возьмут — на кой тебе приданое?!» На прощание Сквожина крепко, от души, приложила братца подвернувшимся под руку поленом, да и тот в долгу не остался: кулак у Станека был правильный, мужицкий. Помыкавшись, сирота вскоре прибилась к Ясевой корчме: полы мыть, воду таскать. Подай-прими, дура! Норов ее, склочный и неуживчивый с детства, с годами стал вдесятеро хуже. Всем девка хороша: на лице черти горох молотили, стать лошадиная, гонор сучий. Только здоровьем и наградил Господь: в лютые морозы в одной драной кацавейке к колодцу бегала, мешки трехпудовые таскала, дрова колола — дай Бог всякому. Помнится, по пьяни бондарь Зых ущипнул за ляжку, так потом до зимы за поясицу хватался, кособочился.

Вся корчма потешалась.

Однако же нашелся храбрец, кто не побоялся судьбу бондаря разделить. Вон Каролинка цацками забавляется, мамкино счастье. Люди разное болтали про безотцовщину, а до правды не дознались. Сквожина, едва о дочке спросят, воды в рот набирает. Обычно-то у нее язык — помело, сказанет — беги, отмахивайся. А тут — молчок. Могила. Точно так же Сквожина молчала, когда пороли ее рубежные охранцы, допытываясь: где Ендрих Сухая Гроза прячется? Ты,

мол, при корчме, всех знаешь, все видишь — говори! У корчмаря свой интерес иметься может, а тебе что?

Пороли-пороли, да и отступились. Решили, что вообще немая.

— Господин Ендрих, позвольте мне осмотреть вашу ногу. По-моему, у вас вывих.

— Лекарь? — без приязни покосился на юношу Сухая Гроза.

— Ну... в некотором роде.

— Валяй.

Люкерда стыдливо отвернулась, когда Ендрих при помощи юноши начал стаскивать подшитые кожей штаны. Сквожина же, нимало не смутясь, нахально глазела на волосатые, слегка кривые ноги атамана.

— Так и есть, вывих! — радуясь своей правоте, звонко сообщил юноша. — А кости целы. Вам повезло...

— Не мели языком. Можешь вправить — вправляй. Скоро майнцы в корчму пожалуют.

— Я бы попросил вас, господин...

— Джакомо Сегалт к вашим услугам, молодой человек.

— Не могли бы вы его подержать? Да, спасибо. А я займусь ногой. Сейчас будет больно...

— Потерплю. Вправишь, малыш, — озолочу.

Узкие пальцы юноши, проявив внезапную цепкость, обхватили вывернутую ногу Ендриха.

— Ну, с Богом!

Далее юноша действовал на удивление быстро и уверенно. Последовал короткий сильный рывок. Ендрих выругался сквозь зубы, и старый Джакомо на этот раз не стал его попрекать.

— Ну, вот и все. Теперь надо забинтовать.

Атаман шевельнул вправленной ногой, поморщился.

— Ты гляди! Видать, и вправду у лекаря в подмастерьях ходил. Поройся в дальних тюках: там ткани. Бери любую, режь на перевязку. Вот нож, держи.

Из первого вспоротого тюка на свет явилась дорогая парча. Юноше и присоединившемуся к нему Джакомо (последний отчаянно чихал от поднятой пыли) пришлось вскрыть еще три тюка, прежде чем они добрались до запасов крепкого льняного полотна.

— Сколько здесь у папы всего! А я и не знала... — Люкерда растерянно глядела на атамана. Тот не ответил, кряхтя от болезненной перевязки. И вдруг осекся, резко приложил палец к губам. Все в подвале затаили дыхание. Джакомо, вознамерившийся чихнуть в очередной раз, спешно зажал рот и нос ладонью, задушенно крякнул, содрогнувшись.

Приглушенные шаги наверху, над головами. Смутно бубнят голоса. Скрипят, прогибаясь, доски.

Прямо на запрокинутые лица сыплется мелкая труха.

— Там, под потолком, — слышится свистящий шепот Эндриха. — Видишь затычку? Вытащи. Только тихо!

Джакомо с заметным усилием выдернул комок ветоши, затыкавшей крысиную нору или отдушину.

— ...поскакали?

— Да к лесу, к лесу, куда ж еще?

— Не врешь?!

— Зачем мне врать, господин рыцарь! Разбойники — они разбойники и есть. Чистое разорение. К лесу, чет-нечет, погнали, логово там у них, проклятых...

— А народ где? Почему корчма пустует?!

— Так боятся людишки! Вы, мол, осерчаете, пороть велите. Попрятались...

— Ох, хитрая ты бестия, корчмарь! Ладно, тащи вино, мясо, да смотри, шельма, самое лучшее подавай! Поднесешь тухлятину — велю корчму спалить, а тебя на воротах...

— Самое лучшее, господин рыцарь! Сей момент!.. Беги, Мисюриха: винца, винца добрым господам, а я, чет-нечет, колбаски на сковородочку...

Ендрих жестом показал, чтоб Джакомо сунул затычку на место.

— Явились... Ничего, Ясь им глаза вином зальет, они и размякнут. Отсидимся. Ну что, малыш, самое время тебе шум поднимать, чтоб майнцы нас тепленькими взяли. А?

Юноша снова дернулся как от пощечины. Даже в зыбком свете свечи было видно, что на щеках его выступил румянец. Гнев? Стыд?!

— Зря вы так, господин Ендрих...

— Ах, извините-подвиньтесь! А кто нас продать грозился, когда его в схрон брать не хотели?

— Это я с перепугу...

— С перепугу он! У нас с доносчиками разговор короткий. Нож в брюхо и кишки на ветку. Рассказывай, чего ты с маркграфом Зигфридом не поделил?!

— Я... — Юноша смешался под устремленными на него пристальными взглядами. — Мне... мне в плен никак нельзя! Я к вашему князю шел, к Рацимиру Опольскому. Послушайте, отвезите меня во Вроцлав! Вы же можете! Вы наверняка все тропы знаете!..

— У тебя что, золотых амулетов целый мешок? То-то князь обрадуется! Нам — золото, ему — тебя. Последняя, значит, надежда!

— Нет у меня амулетов. Один был — тот, что корчмарю отдал. А насчет надежды... Может, и ваша правда. Только на меня надежда и осталась. Не выстоять ополчанам против майнцев...

— Вы, молодой человек, сведущи в военном искусстве? — саркастически изломал бровь Джакомо Сегалт. — Стратег?! Полагаете, князь Рацимир назначит вас воеводой?

— Вы смеетесь надо мной. Но я должен... я хочу передать князю вот это...

Юноша раскрыл котомку, зашуршал тряпьем. На свет божий явилась шкатулка — потертая, о трех углах,

расчерченная, наподобие трико фигляра, черно-красно-желтыми полями. Краска кое-где успела облупиться, края изрядно побиты. Кроме шкатулки, в котомке обнаружались большие песочные часы.

— Игра, что ли? — с презрением скривился атаман.

Джакомо уверенно кивнул:

— «Тройной Норнсколь». Иначе «Обман Судьбы». Игровали в свое время... Можно и сейчас развлечься, все равно скучать долго. Вы играете, Ендрих? А вы, юноша? Кстати, не хотите ли представиться собратьям по несчастью?

— Простите... Меня зовут Марцин, Марцин Облаз из вольного города Хольне. Из *бывшего* вольного города. Но это не простая игра. Она принадлежала Бьярну Задумчивому.

— Магу из Хольне?

— Да.

— Ну ты пройдоха, парень! У самого Бьярна игру украсть?! Сперва амулет спер, потом игру?! Или сразу?! Отчаянный, да еще и лекарь... Пойдешь ко мне в ватагу?!

Трудно было понять, шутит атаман, издевается или говорит всерьез.

— Лучше бы я ее действительно украл... — еле слышно прошептал Марцин, потупясь.

— Не украл? А где ж взял тогда?

— Это наследство. Мой учитель Бьярн Задумчивый умер на прошлой неделе.

— Умер? Ври больше! Маги — они по тыще лет живут!..

— К сожалению, вы заблуждаетесь. У мастера Бьярна было слабое сердце... Я это знаю лучше многих.

— Сердце? Ну, наколдовал бы себе здоровья — и всех дел!

— Эх, господин Ендрих! — Марцин тяжело вздохнул. Пламя свечи заколебалось, по стенам колыхнулись

причудливые тени, и схрон с людьми на миг показался нереальным: вот-вот потечет туманом и растает. — Не путайте мага с Богом. Целительская магия использует собственную силу целителя. Это вам не заклятия, не укрощение стихий. Своего сердца не вылечить. А я... я только учусь. Учился.

— Сколько ж ему лет было, Бьярну? Пятьсот? Семьсот?

— Семьдесят два.

— Брехун ты, малыш! У меня батька до девяноста прожил. А тут — маг!..

— Вы можете мне не верить, но я говорю правду.

Юноша обиженно поджал губы.

— Прошу прощения, что прерываю вашу увлекательную беседу, но вы, молодой человек, кажется, хотели изложить нам тайну вашего наследства? Зачем вы хотите доставить игру во Вроцлав? Или надеетесь, что, упражняясь в «Тройном Норнсколле», Рацимир Опольский найдет способ выиграть войну с Майнцской маркой?

— Как ни странно, вы почти угадали, господин Сегалт. Этот «Норнсколле» мейстер Бьярн изготовил в молодости, вскорости после того, как сам закончил обучение у своего учителя. С помощью игры...

Марцин волновался все сильнее, явно колеблясь: рассказывать дальше или замолчать? Голос дрожал, на лбу выступили капельки пота.

— С ее помощью можно переиграть... переиначить что угодно! Любые события, случившиеся в прошлом, можно повернуть вспять! Вообще не допустить войны. Изменить ее ход. Вы понимаете меня?!

— Изменить? А маг твой, значит, взял, да и помер? — с недоверием прищурился Ендрих. — Переиграл бы жизнь нашу грешную, отстоял Хольне, себе лет двести выиграл бы! Темнишь, ученичок...

— Вы все упрощаете. «Тройным Норнсколлем» может воспользоваться любой, кроме его создателя. В руках мастера Бьярна игра потеряла бы силу.

— Ну так дал бы ее вашему бургомистру! Или воеводе.

— Я предлагал учителю. Но он отказался. Уже когда Хольне пал, учитель думал послать меня к князю Рацимиру. Но медлил, колебался... Я не знаю, почему. Потом я нашел его мертвым. Сердце... И тогда я решил сам.

— Да, маги эти, конечно... Короче, темный лес. Сами не знают, чего хотят. Но ты-то — наш человек! Усыпи майнцев наверху! А мы вылезем, их перережем, лошадей заберем — и в лес. Прямоком к князю Рацимиру, игру твою ему передавать. Давай, Марцин! Колдуй!

— Не могу я, — виновато развел руками юноша. — Я всего три года в учениках. Только дождь вызывать научился, и тот с градом. Град ничего, крупный, а дождь... Учитель смеялся: тебе, Марцин, на ливень злости не хватает! Рохля ты...

— Град — и все?!

— Ну, еще по мелочам... А усыплять не умею.

Атаман сплюнул на пол.

— Так и знал. Языком трепать все горазды, а как до дела — я не я, и кобыла не моя!

— Подождите, подождите! Что, если...

Все взгляды разом устремились на Люкерду, и девушка смутилась, вспыхнула застенчивым румянцем. А потом зачастила, сбиваясь и запинаясь от волнения. Словно боялась, что ее перебьют, не дав договорить до конца.

— Давайте сами попробуем! Сами! Чтоб войны не было! Скажите, Марцин, в вашу игру... В нее любой сыграть может?

— Вообще-то да... — Юноша с удивлением взглянул на дочь корчмаря, как если бы увидел ее впервые. Видимо, подобная мысль просто не приходила ему в голову. Идея доставить игру князю Рацимиру полностью овладела его душой с момента смерти учителя, и ни о чем другом он не помышлял.

— Тогда зачем везти ее князю? Вдруг у нас получится?! А если не выйдет — игра ведь не потеряет силу? Так, Марцин?

— Так.

— Не выйдет у нас — отвезешь игру во Вроцлав!

— Да брешет он все, этот Марцин, — отмахнулся Ендрих. Однако от собравшихся в схроне не укрылось, что глаза атамана возбужденно сверкнули. — Пусть сперва докажет, что он — мажонок. А так... баловство одно.

Суровый атаман не признался бы даже себе, что ему отчаянно, до слез хочется поверить в чудо. С помощью дрянной шкатулки повернуть ход войны вспять, и маркграф Зигфрид никогда не вторгнется на земли Ополя, и останутся живы его, Ендриха, дружки-ватажники, что полегли на рассвете, и...

— Доказать? Чем?! — смешным воробьем нахохлился Марцин.

— Ну хоть чему-то ты выучился? Свечу без огнива зажжешь?!

— Да.

— Зажигай!

Атаман резко дунул, и в схроне воцарилась полная темнота. В ноздри пополз острый запах копоти. Шорох, смутное движение. Капля пламени возникает беззвучно, рождаясь из пустоты. Странная, янтарная, с вертикальной черточкой посередине — словно кошачий глаз. Лишь через два-три удара сердец до окружающих доходит, что огонек горит в воздухе, между сведенных ладоней Марцина.

Юноша подносит каплю к свече.

Фитиль загорается сразу.

— Дядька колдун, дядька колдун! Дядька, колдуй есе!

— Тихо, Каролинка! Услышат злые дяди, придут и заберут тебя. Тихо, доченька...

Сейчас Сквожина совсем не походила на ту горластую склочницу, которая отпускала сальные шуточки и в грош не ставила всех окружающих. Притянув Каролинку, она ласково гладила девчушку по голове грубой ладонью, пытаюсь защитить, закрыть, спрятать на груди от напастей, подстерегавших ребенка в злобном и враждебном мире.

— Вот...

Ендрих Сухая Гроза запустил пятерню в курчавую смоль шевелюры. Почесал макушку — и вдруг весело осклабился.

— Ладно, считай, поверил... Ишь, мажонок! Учи, как судьбу переигрывать!

Фигуры были старые, часть — с отломанной головой или верхушкой. Под стать облупившейся и рассохшейся доске-шкатулке. Марцин расставлял их бережно, закусив губу. Джакомо Сегалт внимательно следил за действиями юноши. Потянулся вперед:

— Три цвета? Надо полагать, черный — Майнцская марка, желтый — Хольне и красный — наше Ополе. Можно выбирать любую сторону? Любой лагерь?

— Конечно. Только выбирать надо одну-единственную фигуру. Тогда ненадолго вы станете тем человеком, чью фигуру выберете. И переместитесь назад, в прошлое. Там вы сможете попытаться что-либо изменить, пустив события новым руслом. У вас будет форы примерно два месяца. Мой учитель свободно переместил бы вас на два десятка лет, но я...

— Звучит заманчиво. Я бы, пожалуй, взялся сыграть за...